

**«Чистая» транспозиция и редистрибуция
содержания транспонированной лексемы
(на материале деадъективных существительных
в русском и чешском языках)**

© доктор филологических наук В.Ф. Васильева, 2005

1. Понятие «чистой» транспозиции, введенное М. Докулилом [Dokulil 1997: 106 и сл.] в лингвистический обиход, не должно отождествляться, как подчёркивает учёный, с широко понимаемой синтаксической деривацией. Последняя имеет место всякий раз, когда в процессе словообразования изменяется часть речи, и новое слово вступает в иные синтаксические отношения. При этом оказывается несущественным, что именно явилось стимулом деривации – потребность в новых синтаксических отношениях или же – в новом наименовании [Dokulil 1997: 108]. О «чистой транспозиции» можно говорить только в том случае, если она «не отягощена» какими-либо лексико-семантическими сдвигами. Иначе говоря, изменение синтаксической функции знака не касается изменения его лексического значения. Согласно Докулилу, «чистая» транспозиция есть частная деривационная категория. Порой бывает непросто провести чёткую демаркационную линию между «чистой» транспозицией и разными типами синтаксической деривации. Однако абсолютно бесспорным случаем «чистой» транспозиции, по мнению чешского учёного, является образование отглагольных существительных и субстантивных названий качества. Деривационный процесс в указанных случаях не служит собственно номинационной цели. Его результатом является восприятие содержания транспонированной единицы через призму новой категории – категории субстанции. Смысловое наполнение исходного языкового знака при этом полностью сохраняется: действие остаётся действием, а качество продолжает оставаться качеством. Изменяется лишь их категориальное обрамление, которое и накладывает свой отпечаток на появившееся в результате транспозиции новообразование. Оно заключается в том, что при сохранении исконного содержания происходит его редистрибуция, т.е. такое его распределение между членами предложения, которое отличает исходный знак от новообразования. В результате транспозиции действие и качество перестают восприниматься как признаки некой субстанции, но осмысливаются как бы сами по себе, в отвлечении от их действительных носителей. Таким

образом, «чистая» транспозиция, согласно Докулилу, является прежде всего результатом изолирующей абстракции и осуществляется на высшем уровне языкового абстрагирования, каковым является уровень частеречный. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить характер редистрибуции статического признака на материале деадъективных существительных, в первую очередь новообразованиях с суффиксами *-ость* и *-ост* в русском и чешском языках, как наиболее типичных и продуктивных способах образования признаков имён в сопоставляемых языках.

2. Взаимодействие предикатного и субстантивного начал в транспонированном признаке обеспечивает, с одной стороны, манифестацию явно признаков свойств и отношений, а с другой, расширяет область функционирования транспонированного признака. Признак, заключённый в структуру субстанции, не умирает. Он напоминает о себе, способствуя проявлению функционально-семантического синкретизма предметного знака. Признаковость предметных имён находит выражение прежде всего в том, что они, подобно предикатам, имплицитно семантические позиции, заполняемые в сопоставляемых языках носителями признака: *вежливый ответ – вежливость ответа, нежный взгляд – нежность взгляда, живой ум – живость ума, убогое жилище – убогость жилища* и т.д. Аналогично в чешском: *zdvořilá odpověď – zdvořilost odpovědi, bystrý žák – bystrost žáka, ubohé předměstí – ubohost předměstí, velkorysé jednání – velkorysost jednání* и т. п. Вместе с тем трансформация чувственно конкретного образа в обобщённо отвлечённое представление может ослаблять смысловую достаточность синтагм с транспонированным признаком, что и отличает их от мотивирующих сочетаний. Ср., например: *беглая речь – беглость речи (кого?), интеллигентный вид – интеллигентность вида (кого?), яркий свет – яркость света (где?)*. Аналогично в чешском: *plynulá řeč – plynulost řeči (koho), inteligentní tvář – inteligentnost tváře (koho), jasné světlo – jasnost světla (kde)* и т. д. В ряде случаев употребление транспонированного признака в позиции транспонируемого представляется искусственным и даже оказывается вообще невозможным. Ср.: *засушливая весна – *засушливость весны, завещательное письмо – *завещательность письма, завязтый рассказчик – *завязтость рассказчика, дождливый день – *дождливость дня, снежный покров – *снежность покрова* и т. д. Ср. также в чешском: *dědičné právo – *dědičnost práva, zajímavý vyprávěč – *zajímavost vyprávěče, deštivý den – *deštivost dne, sněhový příkrov – *sněhovost příkrovu* и т. д. Сочетаемость абстрактного и конкретного имени вызывает семантическую дисгармонию.

3. Одним из главных принципов «чистой» транспозиции, по мнению Докулила, является наличие взаимной трансформации между транспонируемой и транспонированной структурами [Dokulil 1997: 108]. Однако редистрибуция транспонированного признака в ряде случаев может нарушать, как показывает наш материал, этот принцип. Расширение области функционирования признака приводит к необратимости процесса транспонирования. Причина этого в том, что транспонированный признак, выступающий в роли абстрактного предмета, способен выполнять функции существительного, в отличие от признака исходного. Так, в предложении *Набожность человека формируется его воспитанием* (пресса). «набожность» выступает в роли синтаксического субъекта, а в предложении *Набожный человек формируется воспитанием*. синтаксическим субъектом является «человек». Именно редистрибуция содержания оказывается в данном случае препятствием для взаимной трансформации синтаксических структур. Процесс транспонирования признака, таким образом, приобретает одностороннюю направленность.

Особенности функционирования транспонированного признака, делающие транспозицию необратимым процессом, подтверждаются многочисленными примерами. Для иллюстрации выказанного положения ограничимся лишь несколькими: *Беспорность правительственной программы по стабилизации финансов и экономики представляется очевидной.*(пресса). *Устремлённость в будущее обеспечивается в нашем государстве ущемлением сегодняшних интересов граждан нашей страны* (пресса). *Вероятность подлинности останков царской семьи равняется 10^*8* (пресса). Ср. также примеры из художественного текста: *Плужников уже жил близостью послевоенного деревенского устроительства... Плужников усвоил за собой обязанность оплачивать всю эту силу.* (Солженицын). Приведенные и подобные им примеры свидетельствуют о том, что структуры с опредмеченным признаком не всегда перекрываются структурами, в составе которых находится признак примарный. Это обстоятельство, по нашему мнению, демонстрирует факт приобретения транспонированным признаком новых смыслов. Затруднительно говорить о «чистой» транспозиции и в нижеследующих примерах, извлечённых из чешской прессы: *Složitost šachové hry spočívá v tom, že v ní existuje astronomické množství variant. Jedinečnost našich zámků není jen v architektuře, ale také v bohatých knihovnách.* (Примеры [Macháčková 1983]). Транспонированный признак по мере опредмечивания приобретает и новые характеристики, касающиеся, в частности, количественных и качественных сторон объективируемой реалии, возможности их возникновения, исчезновения, степени и продолжительно-

сти существования тех или иных свойств и т.п. [Macháčková 1983: 175]. Так, например, признаковые имена *рождаемость, смертность, посещаемость, аварийность, убыточность*, аналогично чешские *porodnost, úmrtnost, návštěvnost, nehodovost, úrazovost, ztrátovost* в сравнении с мотивирующими структурами *смертный, посещаемый, аварийный ...*; чешск.: *porodní, úmrtní, návštěvní, poruchový, ztrátový* дополнительно имплицитируют те или иные количественные характеристики называемого явления. Ср.: *Статистические данные свидетельствуют о низкой рождаемости и возросшей детской смертности* (пресса). *Устаревшее оборудование приводит к росту аварийности* (пресса). *В последние годы резко снизилась посещаемость театров* (пресса). Аналогично в чешском: *V posledních letech pozorujeme zvýšení novorozenské úmrtnosti. Návštěvnost přednášek byla nízká. Stále častější poruchovost provozu má neblahé následky.*

Взаимодействие субстантивного и предикатного начал в транспонированном признаке позволяет вновь образованной лексеме выступать в роли структурно-семантического конденсата словосочетаний, в которых опорным компонентом является существительное с широким понятийным значением [Dokulil 1962 44], [Dokulil 1967: 399]. Ср. чешские признаковые имена: *hloupost = hloupá věc, malichernost = malicherné jednání, vlastnost = podstatný rys, zvláštnost = zvláštní věc nebo rys, slabost = slabá věc, špatnost = něco špatného nebo vlastnost špatného* (SSJČ). Аналогично в русском: *глупость = глупая вещь, слабость = слабая вещь, мелочность = мелочный поступок или мелочное поведение, безобразность = безобразный поступок или поведение, новост = нечто новое*. Восприятие признака через призму субстанции способствует его актуализации. Она предполагает смещение смысловой нагрузки с носителя признака на сам признак, как уже отмечалось. Абстрактная сущность как бы становится действенным участником развёртывающихся событий, инициирует определённые ситуации. Ср. в подтверждение сказанного: *Неотложность ремонта жилищного фонда требует дополнительных бюджетных расходов* (пресса). *Сложность решения финансовых и экономических задач требует концентрации правительственных усилий* (пресса). Аналогичным образом и в чешском языке частеречный сдвиг сигнализирует актуализацию признака, возводя его формально в ранг независимой субстанции. Ср.: *Tehdy vyvrcholila velká zanedbanost bytového fondu. Naléhavost požadavků dále vzroste. Je třeba udržovat sjízdnost ulic. Dlouhodobost působení tohoto směru ukazuje na jeho vnitřní hodnoty. S vědomím naléhavosti a důležitosti úkolů. Těžkost plynoucí ze složitosti hospodářského vývoje* (Примеры [Macháčková 1983]). Несмотря на то, что

актуализация признака вызывается смысловыми потребностями, она не имеет, по крайней мере в русском языке, абсолютно регулярной реализации. Причина этого заключается прежде всего в существующих деривационных ограничениях. Именно структурные «неудобства», на наш взгляд, препятствуют реализации транспозиции признака в область субстанции в приведённом ниже примере: *Бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание становятся для государства всё более обременительными* (пресса). Заметим, что в чешском языке транспозиция идентичного признака не имеет структурных препятствий: *Připomněli jsme bezplatnost vzdělání, bezplatnost sociálního zabezpečení, bezplatnost lékařské péče* (Примеры [Macháčková 1983]).

4. Некоторых уточнений требуют случаи транспозиции признака полисемантических прилагательных. Дело в том, что не все его значения содержат в себе равные предпосылки для транспонирования в область предметного восприятия. Есть основания полагать, что в условиях полисемии в русском языке к транспонированию предрасположены прежде всего признаки, в которых в той или иной степени объективируются результаты отвлечённого восприятия. Сравним:

*тупой человек/тупость человека, но тупой карандаш/*тупость карандаша
лёгкое решение/лёгкость решения, но лёгкий чемодан/*лёгкость чемодана
холодный взгляд/холодность взгляда, но холодный день /*холодность дня
стойкий характер/стойкость характера, но стойкая недоплата/*стойкость недоплаты
серый быт/серость быта, но серый волк/*серость волка
живой ум/живость ума, но живая рыба/*живость рыбы
беглая речь/беглость речи, но беглый солдат/*беглость солдата
грубый ответ/грубость ответа, но грубая пища/*грубость пищи*

Приведённые примеры показывают, что семантические позиции носителя признака, с учётом редистрибуции содержания, сохраняются прежде всего при транспонировании переносного значения. Примечательно, что чешский языковой узус без особых ограничений, в отличие от русского языка, допускает транспонирование как отвлечённого, так и конкретного значения прилагательного. Сравним:

*tupý pohled/tupost pohledu и tupý meč/tupost meče
studené přijetí/studenost přijetí и studený led/studenost ledu
šedá realita/šedost reality и šedá látka/šedost látky
bystrý rozum/bystrost rozumu и bystrý potok/bystrost potoka
světlý okamžik/světlost okamžiku и světlý pokoj/světlost pokoje
temná (zlá) síla/temnost (zlé) síly и temná ulička/temnost uličky
růžové sny/růžovost snů и růžové barvy/růžovost barev*

špinavé myšlenky/špinavost myšlenek и špinavé ulice/špinavost ulic

5. Функциональный синкретизм признаков имён, их способность быть семантическим конкретизатором предметной сущности и вместе с тем репрезентировать саму эту сущность, не может не сказаться на референции рассматриваемых имён. Так называемые «чистые» предикаты – прилагательные и глаголы – конкретизируют объективируемое понятие, а тем самым и денотируемый объект, посредством синтагматической связи с номинантом (означающим), т.е. они характеризуются не абсолютной, а относительной референцией. Иначе говоря, предикаты не имеют прямой отнесённости к предмету действительности. Иная ситуация в разряде признаков предметной номинации. В тех случаях, когда при транспонировании признака в область субстанции сохраняются семантические позиции носителя признака, опредмеченный признак, так же как и исконный, имеет относительную референцию. Ср.: *Бодрость старика была всем на удивленье / То, что старик бодрый... Жестокость нравов поражала воображение / Жестокие нравы...Поспешность решения имела отрицательный результат / Поспешное решение... Аналогично в чешском: Čilost pohybů přidávala tanci zvláštní půvab./ Čilé pohyby...Zaplakal nad zrádcem a nad čerností jeho činu. /...nad černým jeho činem. Tmavost očí kontrastuje se světlostí vlasů. ... / se světlými vlasy. Однако транспонируемый признак, воспринимаемый через призму субстанции, может непосредственно соотноситься с мыслительным конструктом – абстрактным понятием. В этом случае транспонированная лексема имеет абсолютную референцию. Ср.: *В доме царили бодрость и веселье. С пленными обращались с большой жестокостью. В дорогу собирались с лихорадочной поспешностью.* Указанием на абсолютную референцию служит, как показывают примеры, способность опредмеченного признака иметь при себе лексический конкретизатор. Ср. также аналогичные примеры в чешском: *Posunky děcka byly plně čilosti. Nutíte umělce k indiferentnosti, lhostejnosti a tuposti. Vlasy a oči žen honosily se vesměs havraní čerností.(Čapek) . Měsíc prozářil husté mlhy mléčnou světlostí (Čapek).**

6. Генетически родственные суффиксы *-ость* и *-ost*, восходящие к эпохе праславянской общности, сформировали то общее семантическое пространство, на фоне которого возможно выявление национальной специфики сопоставляемых языков. Так, в частности, не могут не обратиться на себя внимания случаи нарушения соотносительности рассматриваемых суффиксов. Дело в том, что деривационные потенции чешского суффикса значительно превышают сочетательные возможности его русского структурного эквивалента. Чешский суффикс берёт на себя

весь объём той функционально-семантической нагрузки, которая в русском языке дифференцированно распределяется между несколькими суффиксами. Таким образом, чешские признаковые имена с суффиксом *-ost*, помимо соотнесённости с именами, имеющими аналогичный русский суффикс, соотносятся также с именами, образованными с помощью иных словообразовательных формантов. Ср. следующие примеры: *žlutost* – *желтизна*, *novost* – *новизна*, *křivost* – *кривизна*, *šedivost* – *седина*, *velikost* – *величина*, *hluchost* – *глухота*, *plnost* – *полнота*, *důstojnost* – *достоинство*, *rovnost* – *равенство*, *statečnost* – *мужество*, *ušlechtilost* – *благородство* и т. д. Доказательством функциональной активности суффикса *-ost* служит и тот факт, что он, в отличие от русского суффикса, может употребляться параллельно с иными формантами, образуя синонимичные наименования: *hluchota* / *hluchost*, *vlhko* / *vlhkost*, *novota* / *novost*, *pustota* / *pustost*, *ticho* / *tichost*, *šedivina* / *šedivost*. Признаковые имена с суффиксом *-ost* образуются не только от прилагательных, но, в отличие от русского языка, также и от некоторых адъективных местоимений и числительных. Ср.: *jaký* ‘какой’ – *jakost*, *veškerý* ‘всякий’ – *veškerost*, *koliký* (арх.) ‘который’ – *kolikost*. Кроме того, имеет место образование наименований с суффиксом *-ost* по аналогии с функционирующей моделью при отсутствии непосредственной производительной базы: *chybovost*, *propadovost* [Dokulil 1962: 44], [Cuřin 1981: 76]. Изложенные факты относительно функционирования суффиксов *-ost* / *-ost* позволяют констатировать неполную адекватность их функциональной нагрузки. Нарушение структурной соотносительности функционально эквивалентных номинаций свидетельствует о наличии межъязыковой словообразовательной асимметрии в разряде признаковых имён в сопоставляемых языках. Практически неограниченный деривационный потенциал суффикса *-ost* по сравнению с его русским структурным эквивалентом способствует тому, что образование признаковых имён в чешском языке, т. е. транспонирование признака в область субстанции, оказывается более последовательным, более прямолинейным и, в конечном результате, более стандартизованным, чем аналогичное явление в русском языке.

7. Отмеченные выше (пункт 3) случаи нарушения отношения взаимной трансформации между исходными и транспонированными структурами позволяют высказать некоторые уточнения относительно явления «чистой» транспозиции в разряде признаковых имён.

• Образование признаковых имён с суффиксами *-ost* / *-ost* можно признать результатом «чистой» транспозиции на уровне системы;

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

- Реальное функционирование рассматриваемых образований не исключает «приращения смысла», т.е. сопровождается лексическим сдвигом, что ставит под сомнение факт «чистой» транспозиции в области признаков имён с рассматриваемыми суффиксами;
- Транспозиция адекативного признака в область субстанции в русском и чешском языках характеризуется разной степенью интенсивности. В чешском языке она близка к парадигматическому явлению, в то время как в русском имеет заметные ограничения.

Л и т е р а т у р а

- Dokulil 1962 – *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. 1. Praha, 1962.
Dokulil 1967 – *Dokulil M.* Jména nositelů vlastnosti s nevlastními příponami // Tvoření slov v češtině. D. 2. Praha, 1967.
Dokulil 1997 – *Dokulil M.* K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice // *Dokulil M.* Obsah–Výraz–Význam. Praha, 1997.
Cuřin 1981 – *Cuřin Fr., Novotný J.* Vývojové tendence spisovné češtiny a kultury jazyka. Praha, 1981
Macháčková 1983 – *Macháčková E.* Jména vlastnosti ve větě // Naše řeč 1983. Č. 4.
SSJČ – Spisovný slovník jazyka českého. Praha, 1958–1971.